

I

Приезд американского журналиста был неожиданным.

В доме, где помещалась канцелярия школы фабрично-заводского обучения, была обычная суета. Бегали уборщицы, торопились воспитатели, секретарь директора, не отрываясь от бумаг, отдавала приказания.

А в кабинете ее начальника было спокойно. Директор имел вид человека, каждый день принимающего иностранных представителей. Он вел себя не суетливо, с достоинством. Только глаза его неодинаковой окраски: один — карий, другой — желто-серый — придавали лицу едва уловимое выражение мальчишеского озорства. С поклоном, не без успеха заимствованным из кинохроники, он предложил иностранцу своего переводчика.

Разглядывая журналиста, директор поразился и с трудом удержал улыбку. Гость в точности соответствовал тому образу, который создавался у директора об американцах по рисункам в журналах и газетах.

Мистер Уальтфельд, седой, широкий, но очень подвижный, сразу же заполнил комнату раскатами веселого, самоуверенного голоса. Усевшись поплотнее в кожаное кресло, он заложил ногу за ногу, с шумом раскрыл длинный ящичек с сигарами и с живостью пододвинул его хозяину кабинета. Но тот, улыбаясь, отрицательно покачал головой. Американец обиженно заговорил, и переводчик, вежливо склонив голову набок, стал вслушиваться в чужую речь.

Это был высокий юноша с яркими черными глазами и бледным лицом. Одет он был в форменную тужурку с блестящими, металлическими пуговицами.

Трофим Степанович, — не спеша сказал он, — вот какая штука. Мистер говорит, что ни один уважающий себя джентльмен не может вести настоящего разговора без этого самого...

Тогда директор открыл ящик письменного стола и достал трубку. Она была невзрачна на вид, но хорошо прокурена и обладала особым темно-вишневым, радующим глаз знатока цветом.

— Переведи-ка мистеру, — сказал он, — что ни один уважающий себя фронтовик никогда не начинал еще серьезного разговора без этого орудия. Трубка прошла от Волги до Шпрее и благополучно вернулась. Ну, и добавь для цветистости — пресса ведь все-таки, — что особенно была вкусна затяжка в кабинете фюрера на Берлинерштрассе...

Заслуженная трубка привела американца в восторг. Он с любопытством собирателя сувениров осмотрел ее со всех сторон и, не выпуская из рук, вскочил, похлопал хозяина по плечу. Затем, не переставая говорить, приподнял рукав пиджака и, расстегнув манжет сорочки, показал розовый шрам. Переводчик едва успевал переводить: мистер Уальтфельд — тоже бывший фронтовик. Он был даже ранен. О, сущий пустяк! Но зато ему посчастливилось

быть одним из корреспондентов, присутствовавших при встрече с русскими на Эльбе. О, ему тогда понравились те крепкие ребята в пропотевших гимнастерках! Они хорошо поработали. О'кэй!..

Разговор, естественно, зашел о целях визита. Мистер Уальтфельд опять уселся и сказал, что является представителем весьма солидного газетного треста, связанного со сталелитейными компаниями. Его газета интересуется проблемой кадров в СССР. Он побывал уже на некоторых крупных заводах. Деловые американские круги хотят знать, каким образом русские после значительных потерь в прошедшей войне восполняют нехватку умелых рабочих рук. Если честно говорить, пусть простит мистер директор, — американец поклонился, показывая, что имеет в виду себя, — он всегда был прямым и даже грубоватым парнем и должен сознаться, что у него нет веры в успех такой быстрой учебы. Шесть месяцев! За это время не рождаются даже младенцы.

Американец весело рассмеялся — он остался доволен своей остротой.

Директор школы, продолжая гостеприимно, по-хозяйски улыбаться, опять выдвинул ящик стола и, выбрав из пачки фотографий снимок светлоглазого, русоволосого паренька, передал журналисту.

— Расскажи мистеру, — сказал он переводчику, — что это бывший воспитанник школы. В январе сорок третьего года его выпустили подручным сталевара. Сейчас он начальник смены. Под его командой — восемьдесят человек. Он специалист по легированным сталям. Фамилия — Сергеев, двадцать один год. Мистер может познакомиться с ним в новомартеновском цехе завода.

— О'кэй! — сказал на это гость. — Мистер Сергеев — способный человек, и впереди его ждет хорошая карьера! Нужно быть справедливым: у вас не мешают расти че-

ловеку. Насколько мне известно, мистер Бенардаки, бывший владелец Сормовского завода, у которого специалистами работали только бельгийцы, а впоследствии мистер Фосс, управляющий заводом акционерной компании «Сормово», не могли бы похвастаться чем-либо подобным. Завод, конечно, много, много изменился. Я видел вашу продукцию.

— Он, оказывается, осведомлен больше, чем мы думали. Ну-ка переведи ему тогда, что Красное Сормово действительно изготавливает все — от иголки до теплохода. А к историческим его сведениям добавь, что во времена Бенардаки и фоссов здесь росли кадры русских революционеров. Сормово было тогда знаменито забастовками и борьбой против предпринимателей. Пусть напишет. Американскому народу это тоже неплохо узнать.

— Мистер Уальчтфельд говорит, — сказал через минуту переводчик, — что его читателей больше интересует будущее нашей страны. Прошлое слишком старит, — так он говорит.

Американец, лукаво прищурясь, слушал перевод, легонько постукивая по колену фотографией Сергеева. Затем он поднял ее вверх и троекратно сказал: «Но, но, но!» Таких, как Сергеев, могут быть только единицы. Даже мистер Форд со всем его невероятным опытом организации производства не в состоянии так быстро создавать специалистов. Правда, работа на конвейере несложна, и учеба там продолжается всего несколько часов. Но, увы, уходя с предприятий мистера Форда, рабочие остаются неучами, как и до работы...

Мистер Уальчтфельд готов предложить пари мистеру директору, готов побиться об заклад на эту, скажем, удивительную трубку, что он, мистер Уальчтфельд, прав. Он даже приедет сюда опять через шесть и даже больше месяцев, чтобы убедиться в правоте своих слов. Ол райт?..

Нет!

Директор ФЗО со скромной улыбкой отклонил предложение. Им не о чем спорить, так же как нет оснований для споров между обоими великими народами. А трубку он с удовольствием подарит гостю, если она ему так по душе.

Гость снова вскочил, долго тряс директору руку. Потом настойчиво начал предлагать ящик с сигарами. Хозяин приложил руку к сердцу и помотал головой: нет, нет, он не расположен к этому сорту курева, не нужно, спасибо!.. Впрочем, если мистер так настаивает, то можно взять, но только шесть штук, не больше, не меньше. Он будет выкуривать по одной сигаре каждый месяц. Мистеру корреспонденту понятен намек?.. И «мистер» директор, не уставая вежливо улыбаться, взял с письменного стола фарфоровую карандашницу и поставил в нее шесть шоколадного цвета, с яркими ярлыками, гаванских сигар.

— Трофим Степанович, — сказал переводчик, выдерживая на лице приличествующую для его положения беспристрастную мину, — наш гость изъявляет желание познакомиться, наконец, с учениками.

— Великолепно! — сказал директор. — Скажи ему, что для этого придется отправиться куда-нибудь в поле или лес. Наши будущие питомцы, возможно, собирают грибы и рвут ягоды...

Гость засмеялся полнозвучно, жизнерадостно. Он поспешил сказать, что на Эльбе начал уважать русских за упорство, теперь полюбит их за остроумие.

Он полагал, что ловкий директор избегает показывать у себя слишком многое, и, конечно, не подозревал всей серьезности слов собеседника.

II

На одном из огородов молчаливо, жестоко дрались два подростка. Они, посапывая, катались прямо по грядкам и головами стукались о широкие и влажные, еще не снятые белые кочаны. Две женщины бежали через огороды, притая на ходу:

— Батюшки, да что же это такое! Удержу на них нету!
— Это все твой пес лохматый, он всему заводила!..
Они подбежали и растащили драчунов.

Крепкий, рослый паренек от пережитого напряжения жадно набирал воздух в легкие. Глядя вслед удаляющемуся с матерью противнику, он машинально провел по голове ладонью. Длинные светлые волосы тотчас послушно

легли назад, открывая чистый шишковатый лоб. Сердитые серые глаза не отрываясь все еще следили за противником. Желваки на широкоскулом лице вздувались, словно он закусил зубами свинцовую пломбу. На разорванной и выпачканной землей рубаше пришита была ленточка с медалью «Партизану Отечественной войны». Из носа у него текла кровь.

— Егор, — заныла мать, — за что же он тебя так? Ведь друзья раньше-то были, водой не разлить. За что?

— Не он меня, а я его! Ума ему дал, он его растерял что-то! — мрачно сказал паренек и решительным жестом вытер кровь.

— Нашли тоже время, черти! — обозлилась мать. — Ехать надо. Собираться. Уполномоченный по вербовке давно у отца сидит... — И сейчас же сменила досаду на материнскую ворчливую жалость: — С отцом, с матерью ни одного-то денька последнего вместе не посидел. И не сын словно. Вот уедешь, когда теперь свидимся, горюшко ты мое!

Фамилия Егора была Аннушкин. Отец его был главой большого семейства, Егор — старший сын.

Заботы его отца распространялись, однако, не только на собственную семью, но и на всю деревню. Он был председателем колхоза. Избрали его уже после войны. До нее Аннушкин-отец был рядовой колхозник. Его организаторские таланты раскрылись, когда деревню заняли немцы. Он сколотил небольшой, но боевой партизанский отряд. Действовал умело и зло. Егор находился при нем. Перед уходом немцам удалось изловить и сильно искалечить Аннушкина. Колхозники отбили его в лесу и спрятали, а после войны избрали председателем колхоза и убедились, что это настоящий, «золотой» хозяин.

Когда Егор с матерью вошли в избу, Аннушкин сидел в переднем углу, увешанном портретами вождей и плакатами.

Людям обычно казалось, что он не покидает деревянной скамьи даже для сна. У Аннушкина не было ног, а силы его настолько подорвались, что ему было трудно передвигаться на костылях.

В том углу была его постоянная канцелярия. На столе стояла бутылка с чернилами, лежала пухлая папка с бумагами.

Народ ходил к нему целыми днями. И на всех вдумчиво и требовательно смотрели из угла большие серые глаза человека, со страстностью ведущего теперь, после войны, односельчан к жизни счастливой и зажиточной.

В избе в тот час находились уполномоченный школы ФЗО Макар Иванович и два провинившихся в чем-то колхозника.

Аннушкин разговаривал с уполномоченным о ходе уборки картошки в районе и одновременно редкими, исподволь бросаемыми словами наставлял нерадивых хозяев. Видно, было для них это большой мукой, ибо пот капал с бледных лбов крупными градинами. Но уважение к хозяину и стыд удерживали их от возражений.

На вошедшего Егора отец посмотрел проницательно, и какая-то грустная ласковость утеплела его взгляд. Однако, ничего не сказав сыну, Аннушкин продолжал разговор. Только когда мать, собирая Егора и прикинув, что все равно сыну скоро придется надевать казенную обнову, стала доставать из сундука одежонку поплоче, он сказал:

— Ты скупиться брось, мать. Не то всю амбицию ему испортишь. Отдай праздничное. Рабочий класс пополнять идет, а не срамить! По одежке-то и ныне встречают, а по уму провожают... Ума-то, вон, не каждому, выходит, отпущено... Сколько раз я вам наказывал! — И председатель колхоза опять принялся «с песочком» пробирать присутствовавших в избе односельчан.

Давешний противник Егора тоже готовился в соседней избе к отъезду. Звали его Алеха Половодов. Чернявый, стройный и гибкий, как сосенка-трехлетка, он, однако, уступал Егору в силе и крепости. На лице мальчика поражали тонкие, точно девичьи, писанные брови, делавшие его красавцем. Ребята были раньше закадычными друзьями, но это относилось уже к далекому прошлому — к довоенному времени.

Алеха не пошел в партизанский отряд вместе с Егором. Мать его при немцах заболела, слегла в постель. Алеха не пожелал бросить ее одну с младшим братишкой и остался. Чтобы не быть угнанным на работы, притворялся чахоточным, ходил сгорбившись, вогнув плечи, и на людях обильно харкал. Такая ломаная жизнь словно что-то надорвала в молодой душе. А когда выгнали немцев, и пришла пора рубцеваться ранам, у Алехи что-то не так «срослось» внутри, как следовало бы.

Вот и не получилось старых приятельских отношений с Егором, когда тот вернулся в село. Егор все еще верил в прошлую дружбу и старался расшевелить замкнувшегося товарища. Но большей частью это кончалось драками.

Половодова, готовя сына, наставляла его по-своему:

— Одежа, обутки огнем горят, не напасешься! Ишь, рубаху истаскал: заплатка на заплате. В ней и поезжай. Порты старые надень, а эти Сеньке нашему к весне в самый раз будут. Тебе начальство так и так новое обмундирование положит, а нам помощи ждать неоткуда.

— Зачем так говорите, маманя! — с горечью возразил Алеха. — Разве я вас забуду? Как зарабатывать начну, все деньги вам с Сенькой высылать стану. До одной копейки!

— Еще бы забыл! Недосыпала, недоедала. Вдовой-то двоих растить! Поди-ка, поможет разве кто?

Половодова и всегда-то была скуповата и любила поплакаться на судьбу иной раз совсем зря.

Бормоча, она бродила по избе, путалась в вещах, собирая маленький узелок. А с печи из темного пространства смотрели широко раскрытые и белые от тоски глаза пятiletнего Сеньки. Он очень любил брата и жалел его теперь до слез. Ему казалось, что Алеху берут на какую-то новую войну.

Третьего подростка из села снаряжали в доме колхозного счетовода, у самой околицы. Седой, но румяный сче-

товод стоял перед рослым, немного рыхлым отпрыском и, грозя пальцем, говорил почти сердито:

— Ты смотри у меня! Веселым будь всегда, услужливым. С товарищами побалагурь, мастеру шутку скажи. Ясно, к месту вверни, а не сдуру. Теперь время трудное, люди хмурые. Им помочь нужно. Легкое слово никого не обидит, только сердце повеселит. Глядишь, и работа быстрее пошла. Ясно?

Счетовод и сам слыл на селе балагуром. До войны он подбил девчат составить балалаечный оркестр.

В семье он оригинальничал. Сына, родившегося жарким летом, назвал Июлем, в противоположность именам Октябрь, Май. Правда, скоро стал называть его, как и все, просто Ильей. Но над документами этого самого «Июля» несведущие люди иногда долго ломали голову, разыскивая, как им думалось, пропавшее имя.

Илья стоял перед отцом навтыжку и, не моргая, слушал указания.

— Папаша, — спросил он, — что, если Фрица с собой взять?

— Ну что же... Он тварь смышленная, не осрамит, а вдруг да и поможет где, — сказал счетовод.

Фрицем в доме называли прирученную сороку за ее пристрастие к блестящим вещам.

Когда Илья, расстегнув старый ватник, запихивал птицу себе за пазуху, на улице раздалось чавканье копыт и хлюпанье колес по грязи.

В окно постучали кнутовищем. Это был уполномоченный школы Макар Иванович, мастер производственного обучения. Он хотел засветло попасть на железнодорожную станцию.

Макар Иванович около тридцати пяти лет проработал в Сормове сталеваром. Его хорошо знали и на заводе, и в рабочих кварталах города. Он был небольшого роста, по-

стоянно брил наголо лысеющую голову, вследствие чего она походила на поблескивающий розовый шар. Макар Иванович обладал отменным здоровьем.

Не любил он сидеть на месте. На работе его добродушно называли «товарищ Тороплюсь». Когда навстречу мастеру попадались знакомые и спрашивали, как обстоят дела, он хотя и останавливался, чтобы потолковать, но неизменно отвечал: «Тороплюсь, тороплюсь!»

Несмотря на почтенный возраст, Макар Иванович во время каждого очередного набора учеников сам выезжал на места. Он говорил, что подбирает будущих сталеваров по особым, одному ему известным признакам.

В этот раз он на совесть поработал, поездив по району и рассказав в деревнях обо всех чудесах своей профессии. Его увлекательные повествования о способах варки стали трогали даже хмурых председателей сельских советов. И хотя им самим были нужны умелые руки, — послушав Макара Ивановича, они начинали улыбаться. Им уже представлялся поток машин и сельскохозяйственных орудий, поступающих в их распоряжение с того самого завода, куда так гостеприимно и ласково приглашал мастер молодежь учиться варить сталь. Они давали обходительному человеку и подводу для путешествия по сельским дорогам, и кормили его досыта, и отпускали подростков самых лучших, по личному отбору Макара Ивановича.

Тридцать пареньков вез он сегодня в Красное Сормово.

Был он доволен такими результатами, но, как всегда, казалось ему, что колеса вагонов слишком равнодушно стучат, и поезд совсем не торопится.

Нетерпеливо ворочался он с боку на бок на плацкартном месте.

А его питомцы сидели внизу на лавочках, нахохлившись, как воробьи. Было им, конечно, грустно покидать

родные края, шумные игры, переезжать прямо из детства в неизвестный и, как некоторым казалось, неудобный мир.

Один сын счетовода Илья не унывал, смешил ребят; из купе доносился дружный хохот. Даже взрослым пассажирам хотелось быть поближе к веселому пареньку.

За общим шумом, смехом никто и не услышал, как, громяхая по крыше, пробежал мальчишка.

В стеганке, опоясанной солдатским ремнем, «заяц» ловко перепрыгивал с вагона на вагон, но неожиданно остановился.

Впереди из-за крыши показались голова и плечи проводника. «Заяц» мигом повернул обратно. Но и там теперь высунулся, яростно грозя кулаком, другой проводник. Оставалось только одно: скользнуть вниз, сначала на железные, лязгающие листы перехода, затем в тамбур.

О, скорее сыскать укромное местечко! Уже слышно взвизгивание двери в железных ржавых пазах тамбура. Погоня близка!

Подросток бросился в самую гущу пассажиров и присел на узкий краешек скамьи. Он прижался к соседу. Все тут над чем-то смеялись; беглец тоже начал смеяться, скосив глаза в сторону.

Его преследователь уже раздвигал пассажиров, требуя себе дорогу. Он подозрительно оглядывал всех, хотя искал только подростка. «Проклятый мальчишка!»

Но вот беда: в этом купе полным-полно одних подростков!

Проводник наугад ткнул пальцем в первого попавшегося, затем во второго, в третьего: «Ваш? Ваш? Ваш?» На него удивленно смотрели. «Конечно, наш, — следовали ответы, — всех в ФЗО везут».

— Ваш? — Жесткий палец уткнулся в грудь «зайца».

Тот дернулся. Соседом у него был Аннушкин. Егор взглянул на незнакомого попутчика. В зеленовато-жел-

тых, цвета воды на отмелях, мальчишеских глазах проплыли (словно рыбки всплеснулись) и мольба, и слезная тоска, и даже несмелая, подавленная угроза. Егор потянул носом воздух и равнодушно, нехотя сказал:

— Наш, чего там!

— Как прибудем, значит, ребята, — продолжал, ни на что не обращая внимания, потешать товарищей Илья, — так нам первым долгом пирогов нажарят. С морковью али с кашей — таких не будет. С одним повидлом! Вкусные, сытные! Само правительство распорядилось учеников пирогами всласть кормить...

«Ремесленники, — подумал «заяц». — Ладно, с ними и доеду».

— Откуда? — тихо спросил Егор, все еще для хитрости напуская на себя лень.

— Из-под Чернигова.

— Батка есть?

— Нема. Матери — тоже. В войну умерли.

— По фамилии как будешь?

— А что фамилия? Сегодня — этак, завтра — так. Чугунком зовут. Как ударю если, враз успокою.

— Ну, это поглядим... Куда направляешься?

— Легкую жизнь искать, — ухмыльнулся Чугунок.

— Вместе с Ильей, значит, с нашим. Слыхал, как он про будущее наше расписывал?

— А что мне ваш Илья? Я в Арзамасе сойду, — сказал Чугунок с позевотой.

В целях осторожности он тоже принял равнодушный вид. Но долго выламываться ему не удалось. Егор резко обернулся к нему всем корпусом, сказал тихо, но отчетливо и презрительно:

— Что же это ты, гад? Я из-за тебя человека обманул, сказал «наш», а ты в кусты?